

К ПРОБЛЕМЕ БЫТОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «МОДАЛЬНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ И ФИЛОСОФСКОМ ЗНАНИИ

Концепты «модус» и «модальность» используются во всех гуманитарных науках. Тем не менее попытки выявить их смысловой инвариант до сих пор не предпринимались. Анализ применения данных понятий в научном дискурсе показывает, что их методологический потенциал на сегодняшний день не раскрыт, поскольку не выработано представление о сущности модальности как таковой.

Ключевые слова: модус; модальность; гуманитарные науки.

Понятие «модальность» и родственный ему термин «модус» являются многозначными научными терминами, что соответствует их внутренней природе. Концепты «модус» и «модальность» широко используются во всех гуманитарных науках; они активно применяются в психологии, лингвистике, правоведении, логике, богословии, музыковедении, в русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной литературе. Очевидно, что под модальностью, при всем разнообразии значений этого понятия, в различных научных дисциплинах понимается некое общее явление, особый тип организации реальности. Тем не менее попытки обобщить на материале различных наук содержание термина «модальность» и выявить его смысловой инвариант до сих пор не предпринимались. Несомненно, такая метанаучная задача находится в сфере компетенции философии.

Актуальность анализа междисциплинарного и собственно философского дискурса модальности прослеживается на разных уровнях – от невыявленности его методологического потенциала для научных исследований до проблемы некорректности содержательного наполнения понятия «модус» в философии или даже полного отсутствия такового наполнения. Также остается неосмысленной специфика объектов, интерпретируемых как модальные.

Немногие исследователи, обратившиеся к философской разработке интересующих нас понятий, утверждают, что модальность есть самая глубокая философская категория, выражающая сущностную вариативность бытия [1. С. 53, 55]. Специалисты характеризуют модальность как одну из самых «загадочных» категорий языка и мышления [2; 3. С. 78]. Если в лингвистике, музыке, логике, правоведении, экономике и точных науках эти понятия имеют конкретное, хотя при этом зачастую очень расплывчатое значение, то в отечественной философии, эстетике, педагогике и социологии они в большинстве случаев используются интуитивно, без уточнения или даже какого-либо обозначения содержания. В подтверждение тому можно привести целый список работ¹.

Очертим смысловое поле модальности в ряде гуманитарных наук.

Модальность суждения в логике – это характеристика суждения в зависимости от характера устанавливаемой им достоверности, т.е. от того, утверждается ли в нем возможность, действительность или необходимость чего-либо о чем-либо. По модальности суждения различаются силой или степенью выраженной в нем необходимости, с которой предикат принадлежит субъекту, а также качеством той «зоны» бытия, в рамках которой происходит определение объекта (имеются в виду эпистемическая, ценностная, темпоральная и дру-

гие зоны). Модальная логика традиционно определяется как логическая система, изучающая структуру рассуждений, в состав которых входят модальные операторы. Однако какой оператор по своему существу является модальным, а какой им быть не может, объяснить достаточно сложно. Модальных операторов великое множество, их группируют в классы алетических, эпистемических, деонтических, логических, темпоральных, аксиологических, индуктивных, модальностей изменений, также выделяют модальности *de re* и *de dicto* (внешнюю и внутреннюю). По сути, любая предикация может быть элементом модальной логики. Как отмечает М.Н. Эпштейн, из приводимого списка модальностей невозможно заключить, что же существенно и необходимо объединяет их таким образом, что исключает из этого списка другие предикаты [2. С. 286–287].

В математике и математической логике имеет место понятие «модальные онтологии». Воронежский философ В.И. Моисеев называет разрабатываемую им логическую систему проективно-модальной онтологией; данная система родственна логике Станислава Лесьневского и представителей философии всеединства. А.Ф. Кудряшов характеризует математические модальные онтологии как проекции классических модальных операторов на системы исчислений. В любом конкретном случае математического рассуждения всегда подразумевается соотнесенность с определенной системой онтологии. Математик своими вычислениями конструирует различные модальные миры: либо это «мир, как он есть» (аподиктическая или ассерторическая модальности), либо мир «как должно быть» (деонтическая модальность), «как может быть» (возможность), «как могло бы быть» (вероятность или гипотетическая необходимость). Каждая модальная онтология имеет собственную логику доказательств, типы построения уравнений, допущения погрешностей [4].

Многозначно содержание понятия «модальность» в *музыкальной теории*. Прежде всего, модальность – это гармоническая структура, противостоящая по своей логике тональности. Если тональность отличают априорная централизация и четкое неизменное распределение между ступенями звукоряда и созвучиями ладовых функций (тоника, доминанта, субдоминанта, медианта), то модальные системы пластичны, централизация, т.е. опорность и устойчивость, в них результативны, возникают под воздействием различных, в том числе немзыкальных, факторов, например логики развертывания текста в вокальной музыке. То есть модальная гармоническая структура отлична тем, что любая ее ступень или созвучие может принимать любую форму, воплощать любую функцию в зависи-

мости от гармонического, ритмического, регистрового и других контекстов.

Обобщение проявлений модальности в музыке приводит к интересным выводам: модальность в музыке связана и с идеей меры, измерения, нормы, правила, с реализацией различных форм той или иной гармонической сущности, также музыкальный модус может являться моделью, архетипом, инвариантом. В теории Е. Назайкинского модус принимает содержательное значение и трактуется как форма художественного бытия некоторого смысла: «...музыкальный модус – это целостное, конкретное по содержанию (то есть одно из множества возможных), художественно опосредованное состояние, объективируемое в музыке в различных формах, различными средствами и способами» [5. С. 239]. К основным художественным модусам-измерениям он относит эпос, лирику и драму, т.е. роды искусства по Аристотелю.

Модус-модель – это мелодические и ритмические модели модальной музыки, нормы, образцы строения напевов и инструментальных композиций. В то же время модус-род – это тот интонационный инвариант, который присутствует в каждом средневековом напеве или традиционной индийской раге. Модусом-архетипом или прототипом можно назвать ладомелодические модели раг, модусов, православных гласов, поскольку они являлись как бы концентрированной интонацией, в рассредоточенном виде составлявшей музыкальную ткань. Особенно существенно это значение в системе древнерусского осьмогласия: «Сравнение “подобных” строк гласа показывает, насколько бесконечны возможности видоизменения архетипической модели гласа... Глас способен на многие жанровые перевоплощения и в то же время выступает в роли системы, регулирующей возможности интонационной свободы» [6. С. 484–485].

Заслуживает особого внимания трактовка модуса как измерения. С одной стороны, она связана с пониманием модуса как меры. Действительно, средневековые ритмические модусы – это в прямом смысле меры времени, особенно модусы-способы деления длительностей. Таких нормативных модусов было всего шесть, и они исчерпывали собой все ритмическое разнообразие музыки той эпохи. В этимологии слова *modo* теоретик эпохи Возрождения Дж. Царлино (1517–1590) выделяет смысловые аспекты, фиксирующие значения меры, порядка, самоограничения [7]. В этом плане понимался в Средневековье и термин модуляция – как искусство размеренного, расчлененного, организованного движения. В этом смысле модусы-лады выступают как меры или законы музыкального развития. Однако модус – это еще и измерение как уровень бытия, например, эпос, лирика и драма – это именно планы бытия, его художественные измерения. Модус-отношение, модус-наклонение возможны только тогда, когда выявлены некие измерения бытия, относительно которых и принимается наклонение. Например, время и вечность, – в категориях вечности многое, связанное с настоящим, теряет свое значение. Модальность высказывания, в том числе и художественного, формируется в зависимости от того, находимся мы в измерении времени или в плане вечности, в измерении биологическом или социальном, гносеологическом или эстетическом и т.п.

Музыкальный модус следует понимать также и как отношение. Это отношение элементов модуса-лада или длительностей мензурального ритма в системе, их отношение к целому и к контексту, в зависимости от которого и выявляется их определенность. В то же время модус в плане содержания – это отношение говорящего (композитора) к предмету высказывания (художественным образам). «Модус как целостный музыкальный феномен может восприниматься, осознаваться и получать теоретическое определение с различных сторон: и со стороны содержания, и со стороны формы; и как привлекавшая внимание вечная в своей неповторимости данность, и как преходящее состояние» [5. С. 242].

Музыкальный модус – явление глобальное и многоликое. Это и композиционные (ладовые и ритмические) структуры, и функциональная система, и интонационный инвариант, и конкретные модели, и тип объективации художественного содержания. В качестве еще одного подтверждения этому можно привести одно из основных понятий арабской, турецкой и иранской музыки, аналогичное по содержанию термину «рага», – «макам». Оно обозначает жанр, принцип развертывания на основе модальной ладовой организации, тип метроритмики, психоэмоциональный модус, мелодические модели и лад с особой дифференциацией тонов [8. С. 320].

Чтобы понять сущность грамматической модальности, нужно абстрактно разделить высказывание на пропозицию и сопутствующее ей семантическое поле («диктум» и «модус» в терминологии основателя западно-европейской лингвистической теории модальности Шарля Балли). Пропозиция является базисной дескриптивной частью любого высказывания, информирующей об определенном положении дел, которое имеет место в мире действительном или возможном. Она содержит объективную информацию, не зависящую от ситуации речевого общения и ее участников. Остальные значения, отражающие разноплановые отношения субъекта речи к положению дел, обозначенному в пропозиции, образуют так называемую «модальную рамку» [9. С. 70]. На пропозитивный смысл могут накладываться дополнительные значения трех типов – диктумные, модусные и каузальные. Модусные значения разделяют на имеющие семантику восприятия (субъективной интерпретации) и оценки, во втором случае характеристика может либо относиться к субъекту действия, либо приписываться объекту со стороны субъекта действия [10. С. 16–17].

Модальная рамка возникает в результате так или иначе выраженных в языке значений актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.д.), оценки достоверности, коммуникативной установки высказывания, утверждения / отрицания, засвидетельствованности (пересказывания / непересказывания). В.Б. Касевич полагает, что высказывания могут иметь сразу несколько модальных рамок: «внутреннюю» (соответствующую традиционной объективной модальности), «внешнюю» (соответствующую субъективной модальности) и коммуникативную или целевую [11].

К сущности грамматической модальности прямое отношение имеет наклонение глагола, или его *модус*. Наклонение – это грамматическая категория, экспли-

цирующая способ регулирования субъектом речи воздействия коммуникации на адресата [9. С. 90]. Наклонением также принято считать морфологически выраженную передачу модальных оттенков сказуемого [12. С. 93]. Иными словами, в образовании грамматической модальности активно участвуют модальные глаголы. Интересным для философских изысканий представляется тот факт, что в русском языке наклонений, грамматически оформленных посредством нормативных структур, всего три – изъявительное, повелительное и сослагательное. В других языках их гораздо больше; выделяют оптатив, потенциалис, ирреалис, условное, эвиденциальное, эпистемическое, аудитивное, отрицательное и другие наклонения [12, 13]. Так, эвиденциальные грамматические формы позволяют говорящему уточнить, что он не является непосредственным свидетелем события, а знает о нем лишь с чужих слов (в ряде языков выделяют аналогичную форму пересказывательного наклонения). К примеру, в дагестанском языке встречается и такая форма глагола, которую достаточно употребить, чтобы стало ясно, что сообщаемая информация не засвидетельствована говорящим лично, а, например, выведена им по каким-то косвенным признакам. В русском языке приблизительно тот же семантический эффект можно достичь введением оборотов «судя по всему», «не иначе», «похоже» и др.

Однако еще более привлекает внимание то, что в русском языке нет как таковых модальных глаголов: наклонение выражается либо постановкой глагола в форму определенного лица и числа, либо с помощью частиц пусть, пускай, -ка, да, давай, давайте («Давайте говорить друг другу комплименты...») Б. Окуджава – повелительное наклонение). В романских языках, напротив, модальные глаголы представляют собой особый грамматический класс. Они выражают не действие или состояние, а отношение говорящего к действию [14. С. 755] и употребляются обычно вместе с другим глаголом, по отношению к которому и строится модальная рамка (аналогичная ситуация обозначается Ш. Балли с помощью пары терминов «модальный глагол – диктальный глагол»). Модальные глаголы английского языка – это *can (could), may (might), must, ought to, need*; немецкого – *wollen, mögen, können, dürfen, müssen, sollen*.

Главная особенность модальных глаголов, на наш взгляд, – это их так называемая синонимия – способность сближаться друг с другом по семантике и выражать различные оттенки модальных значений. Модальные глаголы образуют целые синонимические ряды, выражающие различные оттенки возможности, долженствования, приказа, просьбы, желания, предположения, запрета. И наоборот, один и тот же модальный глагол, в зависимости от грамматического и лексического контекста, может выражать практически любую модальную установку.

Какие же именно языковые отношения и ситуации являются модальными? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку смысловые условия модальности высказывания разнородны. Традиционно отмечается, что термин «модальность» охватывает достаточно большой круг явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и степени оформленности на разных уровнях структуры языка [15. С. 239]. Мы

оказываемся в ситуации, аналогичной той, которая возникает при попытках выяснить, что делает ту или иную логическую систему модальной. Ответить на вопрос «какие именно логические отношения являются модальными?» так же сложно, как и выявить семантически-смысловый инвариант языковой модальности. Бирюлин и Корди отмечают, что в практике лингвистических исследований границы употребления термина «модальность» утратили свою определенность. Трактовка модальности в современной лингвистике необычайно широка, и трудно найти двух авторов, которые понимали бы модальность одинаково [9. С. 67].

Термин «модальность» широко применяется в *психологии* для обозначения принадлежности к определенной сенсорной системе (анализатору). В таком случае различаются модальности зрительная, слуховая, обонятельная, тактильная, вкусовая. По мнению Д.И. Дубровского, всякое восприятие внешних явлений полимодально, поскольку наш организм как самоорганизующаяся система не может ограничиться только отображением внешней действительности. Каждый акт восприятия сопровождается процессами самоотображения, поэтому следует говорить и о модальностях внутреннего порядка, к которым Давид Израилевич относит боль, чувство голода, жажды, двигательные, соматические ощущения [16. С. 89]. Другие психологи также отмечают, что существуют модальности, представляющие нам информацию, идущую от внутренних органов – вестибулярная, проприоцептивная, болевая, температурная [17. С. 90].

Однако модальности восприятия – лишь часть содержательного поля данного термина в рамках психологии. В этой науке, как ни в какой другой, широк тезаурус понятия «модальность». В различных исследованиях выделяются декстральные и синистральные модусы мышления [18], психические модусы бытия и обладания [19], модусы интегрированности психики [20]. Представители британской школы психоанализа П. Фонаги и М. Трагет понимают под модусами стадии развития ментализации, выделяя игровой модус, рефлексивный модус и модус психической эквивалентности [21]. Сознание интерпретируется в модусах мышления и психики (как это делают М. Мамардашвили и А. Пятигорский); отдельно выделяются модусы объективации сознания – язык, внешние объекты, идеология, миф и т.д. Французский философ-психоаналитик Жак Лакан выделяет в психике регистры биологический и человеческий, говорит о регистре Я и т.п. Практически каждое психическое образование он именуется регистром. Кроме того, встречается у Лакана прямое указание на измерения сознания, точнее, его интересобъективности: «...в уникальном явлении, которое представляют собой человеческие отношения, налицо два различных, хотя и сплетающихся друг с другом, измерения – измерение Воображаемого и измерение Символического» [22. С. 154]. Таким образом, три фундаментальных понятия Лакана, с помощью которых он объясняет работу сознания, – Реальное, Воображаемое и Символическое – можно понимать как *измерения* или *регистры*, а следовательно, как модусы.

Термин «модальность» бытует также в *правоведении* применительно к праву собственности. В *литературоведении* и искусствоведении распространено по-

нятие «модальность текста». В христианском *богословии* явление модальности этимологически связано с термином «модализм», обозначающим ересь Савеллия, возникшую в эпоху тринитарных споров. Однако содержательно философское понятие «модус» максимально близко понятию «ипостась»: и модусы, и ипостаси следуют понимать как формы бытия, измерения, проекции, «качествования» единой сущности.

Кульминации неоднозначности термины «модальность» и «модус» достигают в философской интерпретации. Вся их экспликация в словарях сводится, как правило, к указанию на исторические факты употребления данных понятий Спинозой и Гегелем, хотя традиция употребления слова «модус» берет свое начало уже с Аристотеля. Истории бытования рассматриваемых нами понятий в области философии можно посвятить объемную монографию. Однако в настоящее время их употребление в историческом контексте рассматривают скорее как эпизодические случаи (в учениях тех же Спинозы, Гегеля, Джордано Бруно, изредка в средневековой схоластике). Это связано с тем, что не отрефлексированы синонимичные модусу философские термины, в связи с чем современная философия не имеет представления о преемственности традиции модального мышления и полагания целостности бытия. Сложность заключается еще и в том, что онтология или антропология могут иметь модальные основания и при этом не только не оперировать термином «модус» (как это имеет место в учении Ж. Лакана, работающего с понятием «регистр»), но и не использовать вообще никаких однопорядковых термину «модус» понятий. К такого рода системам относятся древневосточные онтологии (буддийская, даосская, онтология адвайтаведанты), а также учения Н. Кузанского, Вл. Соловьева. Перспективы распознавания таких систем, как модальных в сложившейся научной ситуации практически отсутствуют.

Можно было бы предположить, что данные понятия не актуальны для современного философского дискурса. Однако активное употребление их в заглавиях диссертаций и научных статей заставляет отказаться от такой версии. Интересующие нас термины встречаются в заглавиях десятков философских, искусствоведческих, культурологических диссертаций (мы не берем во внимание диссертации по логике). При этом парадоксальным образом в большинстве из них никоим образом не разработаны понятия «модус» или «модальность», не оговорено даже их значение. Они употребляются как данность или как термины, не имеющие специального научного содержания². В ряде диссертаций понятия «модус» и «модальность» вовсе встречаются только в названии и в тексте далее не появляются³. Можно указать также на философские диссертации, в которых данные концепты раскрываются, но им придается филологическое значение, т.е. значение функционально-семантической категории⁴.

За последние десять лет написано около трех десятков диссертаций кандидатов и докторов философских наук, содержащих в теме термины «модус» или «модальность», но только в четырех из них (исключая относящиеся к специальности «Логика») есть содержательная разработка данных понятий⁵, хотя модальный анализ или подход не заявлен как методологическая база иссле-

дования ни в одной из этих диссертаций. В других областях гуманитарного знания ситуация обстоит различно: в области социологии, политологии, истории она примерно аналогична описанной; в остальных дисциплинах, имеющих «собственное», устоявшееся значение данных понятий, нетрудно обнаружить, что используются они в чрезвычайно широком смысле: с их помощью описывается круг явлений, далеко превосходящий изначальное классическое значение.

Знаменательными для философской теории модальности являются две работы отечественных ученых, созданные в самом начале этого века, – «Философия возможного» М.Н. Эпштейна и «Логика всеединства» В.И. Моисеева. В этих трудах описываются онтологические системы, имеющие своим фундаментом соотнесенность модального типа. Своим появлением эти работы словно заявляют о возрождении многовекового дискурса модальности. Тем не менее суть и содержательная многогранность понятий «модус» и «модальность» до сих пор не осмыслены ни в отечественной, ни в западной традиции.

Итак, мы констатируем следующие факты:

1. Понятия «модус» и «модальность» имеют определенное содержание применительно к каждой гуманитарной дисциплине, и эти содержания существенно различаются, в связи с чем значения понятий внешне выглядят как мозаика не связанных между собой концептов.

2. Внутри каждой гуманитарной науки данные термины также не имеют стабильного содержания, их тезаурус чрезвычайно широк.

3. Осмысление понятий «модус» и «модальность», которое бы обобщало и интегрировало достижения гуманитарных наук, в настоящий момент не разработано.

4. Наименьшей определенностью отличается значение понятий «модус» и «модальность» в философии: исследователи либо вообще отказываются от их содержательного наполнения, либо тяготеют к их пониманию в духе какой-либо другой науки, чаще филологии, логики или психологии. Собственно философское значение этих понятий отыскать в современных работах весьма проблематично⁶.

5. Вследствие вышесказанного не выявлены синонимичные модусу философские термины, в связи с чем современная философия не имеет представления о преемственности традиции модального мышления и полагания целостности бытия.

6. Методологический потенциал исследуемых понятий на настоящее время не раскрыт, поскольку не разработано представление о сущности модальности как таковой. В результате присутствие понятий «модус» и «модальность» в темах научных работ, особенно философских, не задает какой-либо методологической установки (за редчайшими исключениями, каковым, например, является диссертация А.В. Нечаева «Проблема модальности человеческого одиночества»).

В подавляющем большинстве случаев понятия «модус» и «модальность» подменяются в научных текстах терминами «форма», «аспект», «выражение» или же мыслятся совпадающими по значению с этими терминами. Судя по всему, термины «модус» и «модальность» употребляются современными учеными в силу их эстетической привлекательности или интуитивного ощущения их многогранности, но в целом остается

неясным, почему же не использовать вместо них более однозначные слова «аспект» или «форма». Ведь употребляющий рассматриваемые нами понятия ученый должен был бы предполагать, что за ними стоит определенный тип понимания целостности, определенное представление об организации объектов. То есть обозначенная еще Аристотелем онтологическая перспектива, которую открывают понятия «модус» и «модальность», в гуманитарных и особенно философских работах, как отечественных, так и западных, практически не просматривается.

Для прояснения содержательного поля терминов «модус» и «модальность» необходим основательный анализ условий употребления этих, а также однокоренных им терминов «мода», «модуль» и «модуляция» в различных научных областях в их содержательной связи с исходным латинским термином *modus*. Значения этих понятий в плоскостях разных наук разнообразны, зачастую несопоставимы, тем не менее для того чтобы сделать функционирование понятий «модус» и «модальность» в науке осознанным и полноценным, необходимо выявить некую изначальную смысловую основу этих терминов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Во всех нижеперечисленных статьях и книгах вообще не обозначено значение понятий *модус* или *модальность*, хотя данные понятия активно употребляются на протяжении всего текста: *Ольхова Л.Н.* Трансформация модусов отрицания в русской культуре переходных эпох. М.: МГИМО-Университет, 2007. 302 с.; *Коковкина А.* Эстетизм как модус культуры в отсутствие трансцендентного // Высшее образование в России. 2007. № 7. С. 135–139; *Шатунова Т.М.* Красота в категориях модальности (опыт эстетической онтологии) // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 146. Философские науки. 2004. С. 88–107; *Плютто П.А.* О двух модусах сознания // Эпистемология и философия науки. Т. XXI, № 3. С. 212–218; *Суслова Е.А.* Основные модусы и уровни организации жизнедеятельности молодежи России и Республики Беларусь. Акмеологическая модель и границы ее применимости // Мир психологии. 2008. № 3. С. 241–253; *Калинин И.В.* Модусы человеческого существования как фундамент для построения ценностно-потребностной модели субъекта управления // Мир психологии. 2008. № 4. С. 189–201 и др.
- ² См.: *Алоян Н.Л.* Трагедия как модус бытия человека (философско-антропологический аспект) : дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2008; *Ольхова Л.Н.* Трансформация модусов отрицания в русской культуре переходных эпох : дис. ... д-ра культурологии. М., 2006; *Кожевников С.Б.* Жизненный мир человека как модус культуры : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2006; *Мельникова И.В.* Природа символа в модусе эссенциально-энергийного единства : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006; *Анан Амер.* Модус арабской ментальности как фактор восстановления исламской этнокультурной традиции: историко-культурологический аспект : дис. ... канд. филос. наук. Липецк, 2007; *Набокова Л.С.* Средства массовой информации как модус современного общественного сознания : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2008; *Наджафова А.Н.* Отражение эстетических модусов бытия в философских концепциях разных эпох : дис. ... канд. филос. наук. М., 2009 и др.
- ³ См.: *Хоружая С.В.* Смысловая сфера культуры: модусы кризисного развития : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2008; *Шматова Е.С.* Муниципализм на Западе и в России: цивилизационные модальности и социальные организации : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005.
- ⁴ См.: *Костинская О.С.* Модальность будущего в мировосприятии традиционной японской культуры : дис. ... канд. филос. наук. Владивосток, 2006; *Егорочкин М.В.* Эпический текст как объект философско-культурологического анализа: онтология, модальности, культурные функции : дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2008; *Шевченко О.Г.* Гипотетическое знание в модальностях языка : дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2009.
- ⁵ См.: *Фаритов В.Т.* Наука как модус бытия: феноменолого-онтологический подход : дис. ... канд. филос. наук. М., 2010; *Ляшин С.Г.* Модальности социокультурных форм человеческой субъективности : дис. ... канд. филос. наук. Армавир, 2008; *Ерошенко Л.О.* Расширение предметного поля неклассической эпистемологии и модальности реальности : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005.
- ⁶ За исключением вышеупомянутых книг М.Н. Эпштейна и В.И. Моисеева. Также адекватным представляется видение существа модальности в двух работах, не посвященных специально этой проблеме. См.: *Карпичук Н.Н.* Дialeктика человеческого бытия : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1995; *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 600 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нечаев А.В.* Проблема модальности человеческого одиночества : дис. ... д-ра филос. наук. Б.м., 2006. 278 с.
2. *Эпштейн М.Н.* Философия возможного. СПб. : Алетей, 2001. 334 с.
3. *Ерошенко Л.О.* Расширение предметного поля неклассической эпистемологии и модальности реальности : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. 153 с.
4. *Кудряшев А.Ф.* Модальные онтологии в математике. URL: <http://philosophy.allru.net/perv79.html>
5. *Назайкинский Е.В.* Эпизод. К теории модуса и модальности в музыке... // Логика музыкальной композиции. М. : Музыка, 1982. С. 236–249.
6. *Коняхина Е.* Гласовое пение старообрядческой службы как источник изучения древнерусской системы осьмогласия // Гимнология : материалы Междунар. науч. конф. «Памяти протоиерея Димитрия Разумовского». М. : ИД «Композитор», 2000. С. 476–486.
7. *Zarlino G.* On the modes // G. Zarlino. Le Istitutioni harmoniche, p. 4, 1558. New Haven ; London : Vale univer. press, 1983. XXIII. 120 p.
8. *Музыка.* Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Г.В. Келдыш. М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. 672 с.
9. *Бондарко А.В., Беляева Е.И., Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. и др.* Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 263 с.
10. *Хорук К.М.* Высказывания с обязательной позицией обстоятельства образа действия в аспекте их пропозиционального содержания // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 16–19.
11. *Касевич В.Б.* Семантика, синтаксис, морфология. М. : Наука, 1988. 309 с.
12. *Мещанинов И.И.* Глагол. Л. : Наука, 1982. 272 с.
13. *Добрушина Н.* Наклонение // Онлайн-энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/naklonenie.html
14. *Чурилова М.В.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь с грамматическими правилами. М. : ОЛМА-ПРЕСС, Образование, 2006. 796 с.
15. *Русский язык* : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. М. : Большая российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. 703 с.
16. *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект : сб. ст. М. : ИД «Стратегия-центр», 2007. 272 с.
17. *Нарышкин А.В.* Строение образа мира человека и соотношение понятий «знак» – «символ», «значение» – «смысл» // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 88–99.
18. *Беломестнова Н.В.* Модусы мышления в естественно-системных детерминантах // Мир психологии. 2009. № 2. С. 37–49.
19. *Калинин И.В.* Модусы человеческого существования как фундамент для построения ценностно-потребностной модели субъекта управления // Мир психологии. 2008. № 4. С. 189–201.
20. *Яновский М.И.* Внимание как критерий оценки состояния сознания // Вопросы психологии. 2005. № 6. С. 91–97.
21. *Fonagy P., Target M.* Playing with reality: I. Theory of mind and the normal development of psychic reality // Int. J. Psycho-Anal. 1996. 77. P. 217–233.
22. *Лакан Ж.* Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа 1954–55 / ред. Ж.-А. Миллера ; пер. с фр. А.К. Черноглазова. М. : Гнозис ; Логос, 1999. 520 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 27 декабря 2011 г.